

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ — ЭТО СОПРИЧАСТНОСТЬ РОССИИ И РУССКОМУ МИРУ

(первая публичная лекция на стажировочной площадке Департамента образования города Москвы)

Д. ГРИГОРЬЕВ

На мой взгляд, в новых стандартах образования есть две ключевые вещи, которые мало знакомы большинству российских школ: это метапредметность и идентичность. Вся новизна стандартов сводится по большому счёту к ним. И при этом они имеют колоссально глубокое значение. Метапредметность — это тема для отдельного самостоятельного разговора, а мы сегодня подробно остановимся на идентичности.

«СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ, И Я СКАЖУ, КТО ТЫ»

Я впервые подступился к теме идентичности в конце 1990-х годов. Когда я рассказал завучу школы, в которой тогда работал, что это может быть совершенно новаторский ход для сферы воспитания, она ответила, что это действительно очень интересно, только само слово какое-то неблизкое русскому уху. И тогда я понял, что пока язык не присвоит это слово, не вберёт его в себя, то и понятие это не приживётся. И действительно, потребовалось время для того, чтобы тема идентичности стала востребована в нашем образовании.

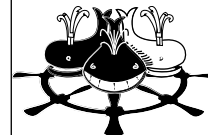
Сама тема идентичности и идентификации начала входить в общемировое интеллектуальное пространство в 50–60-х годах прошлого века. Случилось это в связи с несколькими вещами. Во-первых, стало

очень трудно описывать такое, казалось бы, привычное для Европы понятие, как личность. На протяжении долгого времени, с XVIII-го по начало XX века, философы вели разговоры о человеке, используя понятие личности. Но дальше случились Первая, а за ней и Вторая мировая войны. Они поставили невероятные по тяжести вопросы, которые раньше в сознании людей просто не могли возникнуть. Возьмём, к примеру, преступления нацистов. Знаменитый нацистский преступник Адольф Эйхман собственноручно убил несколько тысяч человек, и при этом для своих друзей и близких он оставался прекрасным семьянином, которого обожали дети, любили жена и другие родственники. Как в таком случае можно было бы определить его личность? Оказалось, что это очень трудно это сделать. После двух мировых войн стало понятно, что описывать некоторые процессы, которые происходят в людях, с помощью понятия «личность» невероятно трудно, а подчас и невозможно.

Во-вторых, после Второй мировой войны случился бэби-бум и началась сексуальная революция. И то и другое было вполне естественными явлениями, поскольку огромное количество людей погибло, и таким образом природа позаботилась о том, чтобы восполнить потери. Но при этом оказалось, что человек не умеет объяснить свою сексуаль-

От редакции
(5–7)

8

ность и не может её контролировать, а если и пытается это делать, то такое поведение приводит его к неврозам и другим отклонениям. Зачастую люди также не могут объяснить свою религиозность и другие важные бытийные аспекты собственной жизни.

Тогда-то и появилась группа философов, которые после осмысления сложившейся ситуации вышли к теме идентичности как объяснению этих новых процессов. Французский философ Эммануэль Левинас (кстати, он российского происхождения) так объяснял своим студентам в Сорбонне, с чего начинается другое понимание человека. Он спрашивал их, что человек считает главным внешним признаком своего «я». Правильным ответом было — лицо. Лицо является неотъемлемой частью человеческого «я»: даже слова «личность» и «лицо» во многих языках происходят от одного семантического корня. Но ведь большую часть жизни человек своего лица не видит. Что же получается? Человек считает лицо символом своего «я», но большую часть жизни его не видит. Откуда же тогда он знает своё лицо? На это Левинас и вслед за ним другие философы середины XX века отвечали: оттого, что на него смотрят другие.

Левинас во многом перевернул проблематику европейской философии утверждением о том, что по-видимому человек не рождается со своим внутренним «я», а формируется под воздействием того, как на него смотрят другие. Первой на человека смотрит его мать, и нам знаком феномен детского госпитализма (совокупность психических и соматических нарушений, обусловленных длительным пребыванием человека в отрыве от близких людей и от дома), характерного для детей-сирот. Проблема госпитализма есть у всех сирот, и она не закрывается никакими терапиями. У них на всю жизнь остаётся глубинная травма отчуждения, потому что первыми на них смотрит не родная мать, а врачи, которые, какими бы заботливыми они ни были, остаются для них чужими людьми.

Выходит, что моё собственное «я» не существует само по себе, и именно другие делают меня мной. Интересно, что этим в какой-то мере объясняется феномен учительства и то удивительное состояние учите-

ля, на которого одновременно смотрят множество учеников. Так смотрят и на священников, на офицеров и представителей небольшого ряда других профессий. По этому признаку такие профессии попадают в разряд служения, то есть деятельности, которая способна наполнять жизнь человека смыслом и развивать его духовно.

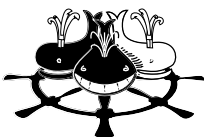
Сущность идентичности можно было бы раскрыть следующим образом: если мы не можем объяснить человека «изнутри» его самого, то можно попробовать воспользоваться старой формулой «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Вся проблематика идентичности — это выяснение того, как человек на себя смотрит, с чем (кем) себя связывает и насколько для него эти связи и отношения значимы.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ

В поисках русского аналога слова «идентичность» мы нашли ёмкое, по нашему мнению, слово — «причастность», то есть ощущение себя частью чего-то большего, чем ты сам: семьи, малой и большой Родины, Бога. Это слово очень точно совпадает с научным определением идентичности — переживание и осознание индивидом принадлежности к группе, другим людям или сообществу, имеющие для него значимый смысл. Ощущать себя связанным с чем-то большим, чем ты сам, значит самому становиться больше. Такая связь может устанавливаться с семьёй, и тогда мы говорим о семейной идентичности. Такая связь может устанавливаться с этносом — в этом случае речь идёт об этнической идентичности. Мы же будем говорить о гражданской идентичности, то есть о связи человека со своим обществом и государством, и о том, как эта связь рождается, формируется и на чём держится.

В новых образовательных стандартах гражданская идентичность имеет пояснение «российская». Рано или поздно неизбежно возникает очень болезненный вопрос — соотношение «российского» и «русского». Весь мир определяет нас как русских, и только мы не можем договориться, что же именно под этим следует понимать. Во многом такое

положение дел связано с тем, что мы живём в период колоссального этнического подъёма и многие, к сожалению, на этом пытаются спекулировать. В большинстве аудиторий, где я читал лекции, положительно воспринимается посыл о том, что есть всемирно признанные российская нация и русская культура. Но в некоторых аудиториях (особенно, в национальных республиках) я вижу людей, которые этого не одобряют, потому что в такой постановке вопроса ощущают ущемление собственной национальной культуры. В такой ситуации хорошей примиряющей идеей могла бы стать идея Русского мира как части мировой цивилизации, которая говорит и думает по-русски. По мнению антрополога и этнографа Валерия Тишкова, подобными «мирами» обладают, наряду с Россией, только Испания, Португалия, Франция, Китай, а также Великобритания вместе с Ирландией. Я бы от себя добавил Армению, Турцию, Иран, хотя, возможно, я не совсем прав.

Можно быть татариним, башкиром, евреем, осетином, чеченцем, а также грузиним, азербайджанцем, армянином, сербом, немцем, и при этом ощущать себя частью Русского мира. Многие, кто уехал из России, ощущают себя людьми Русского мира, волнуются за судьбу родной страны, говорят и думают по-русски и таким образом сопричастны России. К сожалению, идею Русского мира тоже активно пытаются дискредитировать.

Почему тематика гражданской идентичности в образовательном стандарте вышла на первый план? Есть несколько крупных причин: необходимость ответа на колоссальное отчуждение подрастающего поколения от собственной страны, преодоление недоверия граждан государству и другим общественным институтам и др. Одна из менее крупных причин, но важных для образования — разрушение мифа о лёгком и быстром вхождении России в так называемую «мировую цивилизацию» (оказалось, что за это надо заплатить признанием полного поражения в «холодной» войне, отказом от части национального суверенитета и готовностью быть сырьевой базой для транснациональных корпораций) и связанной с ним политики «общечеловеческих ценностей и толерантности».

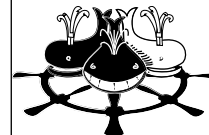
В начале 2000-х годов становится ясно, что страны-лидеры т.н. «мировой цивилизации» зачастую трактуют «общечеловеческие ценности» в зависимости от собственных национальных интересов, а политика толерантности и мультикультурализма не решает проблем миграции, общественной безопасности и регулярно даёт сбои.

Разрушение политики не означает, что сами общечеловеческие ценности и толерантность — это фантомы. Нет, и о том и о другом нужно продолжать думать и, тем более, делать (я противник войны со словами, и мне совсем не нравится та обструкция, которой сегодня подвергается понятие толерантности). Просто то прочтение общечеловеческих ценностей и путей их формирования, которое предлагалось нам в 90-е годы, оказалось нежизнеспособным.

Что в данном случае я имею в виду? Предположим, к нам в дом пришли гости. В логике «политики толерантности» мы должны сосредоточить свои усилия на том, чтобы облегчить им вхождение в наш дом. Мы начинаем думать о том, что им понравится, а что может не понравиться, что будет удобно, а что нет. Иногда мы угадываем, иногда нет. Но в любом случае начинаем немного подстраиваться под них, переделывать себя, они это считают и воспринимают по-разному: одни как уважение, другие как слабость.

В духе «политики идентичности» мы в первую очередь открываем гостям наш дом и показываем, как мы в нём живём. Мы гораздо меньше думаем о том, что они там себе подумают, мы не хотим непременно понравиться. Мы такие, какие есть, и мы хотим, чтобы гости нас такими принимали. Мы уважаем самих себя и уважаем наших гостей. Мы не возражаем против их советов и рекомендаций; мы только будем удивлены, если они прозвучат немедленно. Обживитесь в нашем доме, почувствуйте наш уклад жизни, примерьте его на себя, и если он окажется для вас стеснительным — мы готовы обсуждать это. А потом, возможно, и менять уклад жизни. Но только не сразу и без «подстройки» под гостей.

На мой взгляд, толерантность — категория производная. По-настоящему уважать другого может только тот, у кого есть соб-

ственное достоинство и самоуважение. Верно и так: я терплю, принимаю несовершенства и недостатки другого, поскольку сам несовершенен и сознаю свои недостатки. Как только толерантность представляют самодовлеющей ценностью, первоэлементом, начинаются казусы и проблемы.

Может быть это кого-то удивит, но исторически понятие толерантности «принадлежит» имперскому сознанию. В одной из своих речей Цицерон, обращаясь к жителям Древнего Рима, говорил примерно следующее: «Если вы, жители города Рима, хотите считать римлянами только себя, можете забыть о великой империи. Чтобы построить империю Рима, нам придётся считать римлянами всех тех, кто проживает на завоёванных нами территориях и кого мы сегодня называем варварами». Империя — это и есть принятие всех, кто хотел бы или мог бы быть принятым. Для стран неимперского типа вопрос толерантности никогда не стоял так фундаментально.

В конструировании современного российского понимания толерантности нам можно и нужно опираться на свой исторический (в том числе, имперский) опыт и национальный менталитет. Меня всегда удивляло то, что европейцы пишут о своих колонизаторских свершениях десятки параграфов в учебниках, при том что там было немало насилия. А у нас присоединению Сибири посвящены один-два параграфа. А ведь это было колоссальное свершение! Страна вступила в контакт с представителями десятка народностей, и притом контакт этот был зачастую договорной, относительно малокровный, по меркам тех времён почти гуманистический. Фактически, мы обладаем уникальным опытом относительно мирной колонизации, не похожим на предельно жёсткую и агрессивную европейскую практику. Одно это говорит о том, что практика мирной жизни с людьми других культур действительно в значительной мере укоренена в российском менталитете.

В 1990-х годах мы праздновали День Победы как преимущественно российский праздник, то есть распространяли его на страну в её нынешнем масштабе. А на самом деле это праздник всего бывшего Советского Союза, праздник Русского мира, то есть тех,

кто говорит и думает по-русски. Ведь в СССР на русском языке говорили жители всех союзных республик, которые сегодня являются суверенными государствами. И замечательно, что в последние годы мы стали приглашать на парады белорусский, казахстанский, азербайджанский, армянский и другие батальоны. При формировании толерантности одним из главных мерил становится то, насколько глубокие события, связанные с межнациональной дружбой, мы будем создавать. И День Победы — это день подлинной толерантности: я могу разделить его с киргизом, таджиком, узбеком, грузином, ингушом — ведь наши деды сидели в одном окопе.

Когда в 1990-е годы по проблематике толерантности у нас стали печататься переводные статьи из таких маленьких стран, как Голландия, Бельгия, я, читая их, ощутил: они не смогут нам этого объяснить, потому что у нас другой опыт. К счастью, мы в нашей системе образования вышли на проблематику российской идентичности, в которой совершенно по-новому переживается и прочитывается не только толерантность, но и многие другие привычные нам вещи.

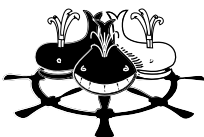
ПАТРИОТИЗМ — ЭТО ВЕРНОСТЬ ОТЧИЗНЕ И В ГОРЕ И В РАДОСТИ

Если мы всерьёз поставим себе целью формирование российской идентичности и будем технологически работать над этим, у нас начнут меняться огромные пласты образования.

Если мы действуем в духе идентичности, то в гражданском воспитании и образовании уже не сможем использовать понятия «гражданин», «гражданское общество», «демократия», «отношения общества и государства», «права человека» как некие умозрительные абстракции. Мы обязаны будем с ними работать в рамках традиции и восприятия этих понятий применительно к русской культуре, традициям, истории и менталитету.

У нас за последние два десятилетия в определённых кругах стало модным критиковать русский менталитет. Да, у него есть свои слабые и сильные стороны, возвышенности и низменности. Но то же самое можно сказать про любой другой национальный

менталитет — английский, французский, испанский, американский! Однако такой уничижительной критики в адрес своего менталитета эти народы себе не позволяют. Менталитет там рассматривается как основа, неотъемлемое условие при проведении изменений, реформ. У нас же отдельные интеллектуалы, представители элиты, не стесняясь, заявляют о смене менталитета или его ликвидации. К счастью, у них это не получится: во-первых, менталитет обладает невероятной устойчивостью, во-вторых, менталитет постоянно развивается, только шаг изменений у него длинный. И подгонять, форсировать развитие менталитета невозможно. У детей же очень важно формировать понимание и уважение национального менталитета.

Ракурс российской идентичности серьёзно меняет воспитание патриотизма. У нас сегодня господствуют два подхода к патриотическому воспитанию: первый, унаследованный от СССР, — формирование нерезлексивной гордости за своё (я горжусь своим просто потому, что оно своё и лучшее). В открытом мире, в котором есть возможность сравнивать, такой подход нежизнеспособен. Когда ребёнку говорят, что всё российское — лучшее, а его телефон произведён в Корее, компьютер — в Китае, обувь — в Италии, а любимый фильм — в США, у него не может не зародиться сомнение, а потом и отрицание. Таким образом мы формируем показных патриотов. К сожалению, многие наши «ответственные лица» в неформальном общении признаются, что они верят в современную высокотехнологичную пропаганду больше, чем в воспитание. Да и по затратам на единицу воздействия пропаганда обходится дешевле, чем воспитание. Но мы с вами как учителя понимаем, что человек, обработанный пропагандой, очень легко меняет свои «убеждения» на прямо противоположные под влиянием более мощных пропагандистских инструментов. Человек, который глубоко и содержательно воспитан, никогда не поменяет свои взгляды настолько кардинально.

Второй подход к патриотическому воспитанию — мы гордимся нашими победами и достижениями. Это основной рефрен в нашем сегодняшнем образовании. Но ведь по сути — это избирательная гордость за

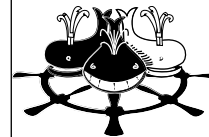
страну. Причастность только к «светлым» событиям и явлениям в истории и культуре своей страны и стыдливое умолчание о «тёмных». Когда перед ребёнком открываются какие-то негативные факты, мы оставляем его с ними один на один. Ему самому приходится разбираться, что делать с этим знанием. Фактически мы взяли на себя ответственность только за достижения и не хотим следовать мудрому принципу, что патриотизм — это верность отчизне и в горе и в радости. Показательно, в каком усечённом виде приводят цитату Пушкина о патриотизме: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал». А ведь у неё есть ещё и первая часть: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек пред-рассудками — я оскорблён». Гордость у Пушкина об руку с переживанием, страданием, потому ему и веришь.

Мне думается, что мы должны учить ребёнка принимать историю и культуру России со всеми успехами и неудачами, победами и поражениями, надеждами и тревогами. *Чтобы гордость за Родину не переросла в гордыню (иными словами, патриотизм не перерос в национальное превосходство), гордость должна быть вместе со смирением перед правдой и великодушием.* Великодушные, как говорил наш выдающийся философ Мераб Мамардашвили, это «способность души вместить весь мир, как он есть, и быть довольным в этом мире только самим собой».

По сути дела, сопричастность России и Русскому миру — это:

- гордость за наши успехи и достижения;
- сожаление о наших ошибках и неудачах;
- стыд за наши проступки и преступления;
- вера в наши возможности и перспективы.

Проблематика российской идентичности меняет работу с историческим сознанием и политической культурой школьников. Нам придётся научиться выстраивать диалог, который мы, как взрослые, ещё сами выстраивать не научились. Это диалог между консерваторами, либералами и демократами, каковыми мы все являемся, даже если и не подозреваем об этом. Консервативное,

либеральное и социал-демократическое мировоззрение — это три определяющих европейских взгляда на жизнь в последние двести лет. Как только диалог этих мировоззрений срывается, как только кто-из этой троицы решает, что другие ему не нужны, — наступает катастрофа. Главными проблемами нашего сегодняшнего общества являются неприятие этого диалога как нормы и отсутствие национальной формы ведения этого диалога. Важно принять тот факт, что любое явление в прошлом, настоящем и будущем будет прочитываться консерваторами, либералами и социал-демократами по-разному, и также важно принимать тот факт, что у людей должна быть возможность следовать своим идеям. Например, консерватором толерантность будет прочитываться как терпение и снисхождение к недостаткам других, потому что сам не без греха; либерал сосредоточится на признании свободы другого быть самим собой и снижении реагирования на инаковость другого (политкорректность); социал-демократ будет искать солидарности и интернационализма.

Ещё один важный аспект при работе с идентичностью — языковой. Уважение и понимание своего языка — это база российской идентичности. Искусственно защищать язык, запрещая использование иностранных слов, бессмысленно. Но не менее печально, когда в русскую речь несут большое количество заимствований, как будто для них у нас нет аналогов. Вы, например, можете встретить статьи, в которых автор вместо слова «идентичность» использует английское *identity*, как будто для этого понятия нет адекватного перевода. Русский язык — это потрясающая универсалия, которая объединяет всех нас, в том числе и нашу школьную жизнь. Российской идентичности без живого русского языка в школе мы не построим.

РЕБЁНОК ВЗРОСЛЕЕТ ЗА СТЕНАМИ ШКОЛЫ

И ещё один важный момент, связанный с российской идентичностью: работая в русле этого подхода, нельзя ограничиваться стенами и рамками школы, то есть придерживаться философии осаждённой

крепости, в которой всё правильно и хорошо, а снаружи недружелюбный мир. Если мы не строим мостики во внешний мир, то и дети не смогут использовать их в своей жизни. Если мы хотим причастности детей к обществу и государству, давайте открывать для них это общество и государство. Открывать такими, какие есть, и такими, какими они могли бы стать. С этой точки зрения, один из критериев хорошей школы — в ней, кроме учителей, бывает много взрослых, которые встречаются с ребятами и делают что-то с ними вместе. Взросление учащихся происходит быстрее и лучше тогда, когда они осмысленно выходят за пределы школы.

Приведу показательный пример из практики одной школы. В ней работает центр социального проектирования, в котором взрослые и дети вместе делают некие общественно значимые проекты. Сами ученики предложили такой проект: помочь пенсионерам микрорайона подготовить квартиры к зиме. Они ходили по квартирам и предлагали свою помощь. По результатам оказалось, что таких пенсионеров, кто принял помощь детей, было примерно столько же, сколько и тех, кто отказался. Директор школы после признался мне: по отзывам детей он понял, что они не были готовы к отказам и всякий раз верили, что их помощь действительно нужна. Директор тогда пришёл к мысли, что совершил педагогическую ошибку, не просчитав негативный сценарий развития событий. Выручила директора одна девочка, которая позвонила ему и сказала, что в три из пяти квартир их не пустили, поэтому они стали убирать подъезд. Тогда он понял, что надо обзвонить всех участников и предложить, чтобы в случае отказов они тоже убрали подъезды. Этот пример говорит о том, что в случае выхода детей в общественное пространство важны не только план и организация, но и умение педагога предвидеть различные сценарии развития событий, потому что спланированный вами вариант на практике может выйти совсем не туда, куда вы предполагали.

На мой взгляд, идентичность — это осязаемая тема, которая объединяет лучшие, самые живые воспитательные практики, которые мы применяем в нашей работе. И если мы

начинаем работать в этом ключе, то фактически начинаем строить *политику идентичности*. Суть этой политики — постоянное задание самим себе (при проектировании чего-то нового или анализе сделанного) следующих вопросов: «Рождает ли то, что мы делаем или собираемся делать, свободную причастность детей школе? Захочет ли ребёнок себя с этим идентифицировать? Все ли мы продумали и сделали для того, чтобы у него возникла причастность нам? Почему то, что мы с большими усилиями сделали, не воспринимается детьми? Может быть, нужно было делать иначе? Или не делать вовсе? Можно ли было сделать то, что мы сделали для детей, сделать *вместе* с ними?»

При этом очень важно соответствовать тому, что ты сам заявляешь. Проиллюстрирую простым примером. У нас 1 сентября называют Днём знаний. И при этом все — и учителя, и ученики — бывают рады, если в этот день нет уроков, то есть хотят, чтобы не было никакого знания, а был отдых и развлечения. Это, казалось бы, мелочь, а на самом деле таким образом происходит десимволизация знания. Если вдуматься, у нас очень много десимволизованных вещей или вещей, которым мы придали не тот смысл, который в них на самом деле заложен. И это разрушительно действует на ребёнка.

ТРИ ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

В литературе вы можете встретить три подхода к формированию российской идентичности школьников.

В первом подходе сделан акцент на понимании российской идентичности школьника как единства знаниевого, эмоционально-ценностного и деятельностного компонентов (В.А. Тишков, А.М. Кондаков, А.Г. Асмолов, А.Я. Данилюк). Очень важно, что здесь выявлен аспект деятельности, потому что только через самостоятельное социальное действие ребёнок может почувствовать себя гражданином. Многие искренне полагают, что содержание уроков истории, обществознания, литературы даёт гражданственность. Но это не так. Содержание уроков позволяет

узнать о том, как кто-то другой стал гражданином и как вообще становятся гражданами. А *стать гражданином* (попробовать им быть) ребёнок может только тогда, когда, например, на том же уроке или классном собрании возникает (построена) ситуация, в которой надо проявить своё несогласие с общепринятым (или, напротив, согласие с тем, что не поддерживается большинством). И найти мужество и аргументы для этого. Сегодня мы заметно сузили пространство для общественных действий и поступков детей, особенно вне стен школы. В той же пионерской или комсомольской организации была возможность что-то ответственно делать вместе. Можно иронизировать над сбором макулатуры или лагерем труда и отдыха, но они открывали пространство для общественно значимого действия. Современные дети фактически этого лишены.

Второй подход понимает российскую идентичность как единство исторической памяти, гражданского самосознания и проектного самосознания школьника (А.А. Андриушков, Ю.В. Громыко). Если идентичность — это чувство причастности к своей стране, то нужно помнить, что у страны есть прошлое, настоящее и будущее. Идентичность с прошлым — это историческая память, идентичность с настоящим — это реальное гражданское самосознание, а вот идентичность с будущим — это ответственное проектное сознание. Современная школа неплохо умеет работать с исторической памятью, хуже — с гражданским самосознанием и почти совсем не работает с проектным сознанием и образом желаемого будущего.

Третий подход, который разрабатываю я вместе с коллегами, идёт через школьную идентичность ребёнка, через его ощущение причастности к школе. Я уверен: если школа попытается воспитывать причастность ребёнка к стране, а он не чувствует своей причастности к школе, то ничего у школы не получится. Вот почему так важно выстраивать школьную идентичность ребёнка, чтобы сформировать в нём и гражданскую идентичность.

Названные три подхода не противоречат, а дополняют друг друга. Далее я попробую показать это на практике.

Продолжение в следующем номере.